

DOI: 10.55105/2500-2872-2023-3-88-102

Подход НАТО к выстраиванию сотрудничества с Японией: трудности и перспективы

Ф.О. Трунов

Аннотация. Со времени создания НАТО и встраивания Японии в сообщество «либеральных демократий» эти игроки в сфере безопасности и обороны практически не взаимодействовали друг с другом. В Европе при поддержке США профильное сотрудничество стран Запада осуществлялось, прежде всего, на многосторонней основе, а на Дальнем Востоке – преимущественно на двусторонней. Импульс к сближению Альянса и официального Токио придало современное формирование нового миропорядка в целом и не-Запада в особенности. В данной ситуации США стали продвигать вариант интегрирования систем «сдерживания» РФ и КНР, что неизбежно требовало налаживания сотрудничества НАТО с Японией.

В статье предпринята попытка исследовать трудности, ход и перспективы этого процесса по состоянию на начало 2020-х гг. Используются положения теории альянсов и метод сравнительного анализа.

Отмечены военно-практические сложности присоединения европейских стран – участниц НАТО к «сдерживанию» КНР в условиях их полноценной встроенности в конфронтацию с РФ. При направляющей роли США был реализован ряд стимулирующих тактик. Во-первых, рост военного потенциала НАТО как организации резко опережал прирост национальных вооруженных сил, тем открывая возможность применения ресурсов блока сразу в двух конфронтациях. Во-вторых, это меры по увеличению интереса европейских стран – участниц Альянса к Дальнему Востоку как новому направлению глобальной деятельности блока, чему способствовал экстренная эвакуация миссии НАТО из Афганистана (2021).

Рост интереса европейских игроков к Индо-Тихоокеанскому региону (ИТР) сопровождался, однако, их стремлением к стратегическим действиям в национальном качестве, без привлечения эгиды НАТО. На изменение этого была направлена линия США по расширению системы профильных форматов в ИТР (активизация QUAD, создание AUKUS и Partners in the Blue Pacific) с участием представленных в регионе англо-саксонских стран и Японии. Последние тем не только усиливали свою вовлеченность в «сдерживание» КНР, но и стали активнее стимулировать к этому европейских игроков.

В 2022–2023 гг. наладился и интенсифицирован процесс политического сотрудничества НАТО и Японии с подготовкой «эффекта переплескивания» на собственно военную сферу. Показаны варианты развития кооперации сторон, прежде всего, по линии ВМС.

Ключевые слова: Североатлантический альянс, США, европейские государства-члены, Япония, конфронтация, «сдерживание», Россия, Китай, Байден, Столтенберг, Кисида.

Автор: Трунов Филипп Олегович, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам РАН (адрес: 117418, Москва, Нахимовский проспект, 51/21). ORCID: 0000-0001-7092-4864; E-mail: ltrunov@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Трунов Ф.О. Подход НАТО к выстраиванию сотрудничества с Японией: трудности и перспективы // Японские исследования. 2023. № 3. С. 88–102. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-3-88-102.

NATO's approach to develop cooperation with Japan: Difficulties and prospects

Ph.O. Trunov

Abstract. Since NATO's establishment and Japan's incorporation into the community of "liberal democracies" these actors hardly cooperated in the sphere of security and defense. In European part of the collective West, cooperation in the security field, with US participation, was multilateral, while, in the Far East, it was bilateral. But the present-day formation of the new world order and the non-West as its part gives a strong impetus to the rapprochement between NATO and Japan. In the new situation, the USA has begun to promote the idea of integrating the systems of deterring Russia and containing China. This inevitably requires substantial NATO-Japan cooperation.

The article explores the difficulties, progress, and perspectives of the process by the early 2020s. For this, the author uses the theory of alliances and the method of comparative analysis.

The paper presents the practical military difficulties for European NATO member states' joining the containment of China at the same time as these countries are fully involved in the process of deterrence of Russia. In this situation, the USA encouraged their partners. Firstly, the military potential of NATO as an organization has been growing more rapidly than the strength of the member states' national armed forces. This means that the Alliance can take part in two confrontations simultaneously. Secondly, this is the arising strategic interest towards the Far East as the new direction of NATO's global activity. One of the reasons for this was the hasty evacuation of the NATO mission from Afghanistan (2021), which meant the loss of the Alliance's strategic influence in the Middle East and the necessity to compensate for this loss.

But the growing interest of European actors towards the Indo-Pacific region (IPR) was combined with their activity in their national capacities, without involving the auspices of NATO. Trying to change this tendency, the USA have expanded the system of formats in the sphere of security and defense (the activization of QUAD, the creation of AUKUS and the Partners in the Blue Pacific) with the membership of Anglo-Saxon states and Japan. These actors have not only increased their own involvement in the containment of China, but also stimulated European players' interest towards this.

In 2022–2023, the process of political cooperation between NATO and Japan has adjusted and intensified. The parties have prepared the spill-over effect of the cooperation into the military sphere. The paper shows the variants of this cooperation, primarily in the naval field.

Keywords: North Atlantic Alliance, the USA, European member states, Japan, confrontation, deterrence, containment, Russia, China, Biden, Stoltenberg, Kishida.

Author: Trunov Philipp O., Candidate of Sciences (Political Sciences), Senior Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (address: 51/21, Nakhimovskiy prospect, Moscow, 117418, Russian Federation). E-mail: ltrunov@mail.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Trunov Ph.O. Podkhod NATO k vystraivaniyu sotrudnichestva s Yaponiei: trudnosti i perspektivy [NATO's approach to develop cooperation with Japan: Difficulties and prospects]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2023, 3, 88–102. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-3-88-102

До конца 2010-х гг. Североатлантический альянс и Япония в военно-стратегическом отношении представляли автономные части «коллективного» Запада, весьма слабо взаимодействовавшие между собой. Помимо своей зоны ответственности, НАТО активно оперировала на Балканах (с 1990-х гг.), в XXI в. – на Среднем и Ближнем Востоке, но отнюдь не в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР). В свою очередь, Япония в своей стратегической активности практически не выходила за пределы ИТР [Добринская 2020, с. 722–723].

Данное положение объяснялось рядом причин. Это географически детерминированные особенности взаимодействия официального Токио с державами исторического Запада (в частности, с нацистской Германией во Второй мировой войне). После Второй мировой войны Япония в согласии с США и другими странами «западного лагеря» пошла по пути воссоздания своего военного потенциала (именуемого Силами самообороны), однако не была де-юре (с закреплением в Конституцию) и де-факто готова использовать его на существенном отдалении от национальных границ и тем более вне Дальнего Востока. Огромную роль играл и фактор США как основного направляющего процессов внутри «коллективного» Запада. В европейской его части Белый дом предпочитал реализовывать многостороннее сотрудничество с континентальными государствами-партнерами в рамках НАТО, после окончания холодной войны раздвигая географические границы данной кооперации на восток в самых различных отношениях (на Восточную Европу, Ближний и Средний Восток). Напротив, в дальневосточной части «коллективного» Запада официальный Вашингтон сосредоточился на выстраивании системы двусторонней кооперации либо создании форматов с весьма ограниченным (3–5 стран-участниц) составом (пример – ANZUS). Этот параллелизм двух стратегий обеспечивал США широкую свободу маневра, в т.ч. в плане использования своих дипломатических и военных возможностей. Так, в предшествующую конфронтацию Запад – Восток США одновременно «сдерживали» СССР в Европе (прежде всего, с территории ФРГ и с использованием ее ресурсов) и на Дальнем Востоке, опираясь здесь, прежде всего, на Японию и дополнив это фактором сближения с Китаем с 1972 г. и до конца 1980-х гг.¹

Драйвером для стимулирования Белым домом к более тесному сотрудничеству в сфере безопасности и обороны двух групп государств «либеральной демократии» – европейских континентальных (прежде всего, по линии НАТО) и дальневосточных – стал фактор формирования нового миропорядка, особенно возникновение феномена не-Запада. Ключевую роль в институционализации последнего играют Россия и Китай, тесно координирующие соответствующие усилия. Это воспринималось Соединенными Штатами как вызов своей настоящей и особенно перспективной роли на глобальном уровне с поиском «зеркального» ответа. В условиях старта конфронтации Евро-Атлантического сообщества с РФ и глубокого проседания отношений США, группы их партнеров в ИТР с КНР Белый дом стал проявлять растущую заинтересованность в переходе НАТО и Японии к полноценному сотрудничеству. Причем речь, прежде всего, шла об использовании возможностей Альянса как структуры на дальневосточном направлении – для «сдерживания» КНР, а также РФ и КНДР; в меньшей степени – о вовлечении официального Токио в реализацию мер по противодействию России в Европе.

НАТО традиционно являлась ключевым носителем военной мощи Евро-Атлантического сообщества; данная роль блока закономерно резко упрочилась в условиях делегирования ей ключевой нагрузки в «сдерживании» РФ. Так, были весьма существенно увеличены силы быстрого реагирования Альянса (II стратегической эшелон войск в его подчинении)², созданы

¹ Киссинджер Г. О Китае. М.: Астрель, 2011. С. 261–433.

² NATO Response Force. 2022. https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_49755.htm (дата обращения 31.05.2023).

с последующим динамичным наращиванием силы передового развертывания (I эшелон)³. На саммите блока 2022 г. был определен огромный объем войск, используемых под эгидой НАТО или предназначенных (резервируемых) под это, – 800 тыс. военных, в т.ч. 300 тыс. со сроком развертывания в срок до 1 месяца⁴. Исходя из положений вновь принятой на этой же встрече (2022) новой стратегической концепции Альянса, столь большие ресурсы в его распоряжение предоставляются для «сдерживания» не только России, но и иных влиятельных незападных держав – прежде всего, Китая⁵. В связи с этим для НАТО Япония представляла объект повышенного интереса не только вследствие своей географии, характера отношений с КНР, но и мощью национальной «военной машины». Так, вооруженные силы (ВС) официального Токио по боевым возможностям (как в количественном, так и качественном отношении) отнюдь не уступают ВС любой из европейских держав НАТО⁶.

Задача статьи – исследовать сложности выстраивания и перспективы сотрудничества Североатлантического альянса и Японии. На фоне обширного корпуса научных исследований, посвященных деятельности НАТО вне зоны ее ответственности [Johnston 2017, p. 163–184; Sloan, 2020, p. 275–350], современной внешней политики официального Токио [Киреева 2020; Стрельцов 2022] работы, исследующие диалог двух данных акторов, практически отсутствуют. Лишь рефреном эта проблематика изучается в отдельных изысканиях по вопросам безопасности и обороны применительно к ИТР в целом [Арзаманова 2022, с. 263–267; Heiduk 2022, p. 12–15]. Данная слабая исследованность объясняется тем, что как таковое полноценное сотрудничество стало возникать только в 2022–2023 гг., однако имеет перспективу динамичного развития. Статья представляет попытку частично восполнить этот пробел, опираясь на положения теории альянсов [Истомин 2021] и метод сравнительного анализа.

Об особенностях взаимодействия Японии и держав исторического Запада в военно-политической сфере

Уже с начала XX в. а официальный Токио нарабатывал опыт стратегической координации усилий с конкретными державами исторического Запада (соглашение с Великобританией в преддверии русско-японской войны 1904–1905 гг.), в дальнейшем – уже их объединениями (прежде всего, Антантой). Причем Япония неизменно ограничивала свою военную активность Восточной Азией, т.е. «домашним» регионом. Так, в Первую мировую войну поддержка императорскими войсками союзников по Антанте свелась лишь к быстрому слому сопротивления германских колоний в Китае и на Тихом океане⁷. В ходе организации иностранной интервенции в Россию официальный Токио вновь действовал лишь на отечественном Дальнем Востоке, внося здесь определяющий вклад⁸, тем вызвав обеспокоенность США.

Развертыванием «ползучей» и в открытых формах агрессии, начиная с «маньчжурского инцидента» 1931 г. Япония первой вошла в круг держав-агрессоров. Институционально их лагерь получил оформление в виде «Антикоминтерновского пакта» (1936). На первых этапах

³ NATO's military presence in the east of the Alliance. 2022. https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_136388.htm (дата обращения 31.05.2023).

⁴ New NATO Force Model. 8.07.2022. https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/220629-infographic-new-nato-force-model.pdf (дата обращения 31.05.2023).

⁵ NATO 2022 strategic concept. Adopted by Heads of State and Government at the NATO Summit in Madrid 29 June 2022. Brussels: NATO HQ, 2022. P. 3–5.

⁶ См.: [Анищенко, 2020]; Defence expenditure of NATO countries (2014–2022). Communiqué PR/CP (2022) 105. Brussels: NATO, 2022. P. 8, 12.

⁷ Атлас офицера. М.: Военно-топографическое управление, 1974. С. 229.

⁸ Там же, с. 241.

Второй мировой войны, накануне и в первом периоде Великой Отечественной войны нацистская Германия и ее дальневосточный союзник де-факто недостаточно тесно координировали свои планы, каждый рассчитывая лишь собственными силами добиться максимума завоеваний⁹. С 1942 г. возможности для потенциально тесного сотрудничества стали все более сокращаться уже вследствие поражений держав «Оси».

Показателен кейс противодействия агрессии Японии со стороны ведущих «западных демократий». Будучи разгромлена в 1940 г. как метрополия, Франция в своих дальневосточных колониях не смогла организовать сопротивления. Великобритания была намного более настойчива в этих попытках, борясь на грани поражения с официальным Токио в Восточной Азии даже в условиях угрозы вторжения вермахта на Британские о-ва. Основную нагрузку в противодействии Японской империи после нападения на Перл-Харбор (1941) приняли на себя США – выиграв сражения за атолл Мидуэй (1942) и Гуадалканал (1942–1943), они перешли к постепенному наступлению на противника. Вместе с тем, как это подчеркивается в отечественной историографии, важнейшую роль в разгроме японского милитаризма сыграла Красная Армия, нанеся сокрушительный удар по Квантунской группе армий (1945), тем самым заставив официальный Токио пойти на капитуляцию¹⁰.

В послевоенный период Япония пошла на долгосрочное качественное переформатирование отношений с США и «западными демократиями» в целом, заняв положение встроенного в их лагерь, ведомого Белым домом. Притом теснейшие двусторонние отношения официального Токио с Соединенными Штатами сочетались с весьма низким уровнем институционализации многосторонних контактов официального Токио – прежде всего, с «либеральными демократиями» в Европе. Так, в отличие от ремилитаризации ФРГ, что стартовала после вступления страны в НАТО и при условии предельной интегрированности (де-факто 100 %) бундесвера в блок¹¹, воссоздание военной мощи Японии проходило лишь на основе договоренностей с США в национальном качестве [Анищенко 2020]. Притом градус напряженности, который характеризовал участие Западной Германии и Японии в конфронтации с СССР и его союзниками, был заметно выше в случае ФРГ.

Вместе с тем, в постбиполярных реалиях Силы самообороны практически не участвовали в миротворческой деятельности и в целом ограниченно использовались в отдалении от территории страны [Добринская 2020], в то время как вооруженные силы стран – участниц НАТО, в том числе ФРГ, весьма активно применялись за пределами зоны ответственности Альянса – прежде всего, в зонах вооруженных конфликтов на Среднем (Афганистан, с 2000-х гг.) и Ближнем (Ирак и Сирия, со второй половины 2010-х гг.) Востоке.

Трудности на пути установления сотрудничества НАТО и Японии

Старт сближения НАТО и Японии являлся важной, но все же частной составляющей запуска более общего процесса – использования потенциала Альянса в Индо-Тихоокеанском регионе в целом, прежде всего, в контексте «сдерживания» КНР и иных влиятельных незападных игроков. Очевидно, что инициировать оба процесса, особенно второй (большой), должны были именно США. Притом само по себе обращение официального Вашингтона к европейским

⁹ Так, одной из основных причин заключения Японией договора о нейтралитете с СССР от 13 апреля 1941 г. являлось отсутствие раскрытия Германией планов по подготовке нападения на Советский Союз. Тем самым официальный Берлин чрезмерно переоценил свои возможности, рассчитывая стать де-факто единоличным победителем (и тем основным поработителем) СССР.

¹⁰ Василевский А.М. Дело всей жизни. М.: Политиздат, 1973. С. 552-573.

¹¹ The Bundeswehr on operations. Berlin: Federal Ministry of Defence, 2009. P. 12-16.

государствам-партнерам по НАТО с просьбой о подключении Альянса к «сдерживанию» КНР стало бы проявлением если не слабости, то зависимости от них. Особенно заметной она оказалась в том случае, если бы в ответ не последовало однозначно положительной, причем консенсусной, реакции. Уже в силу чувствительности возможного имиджевого урона Белый дом при любой администрации едва ли мог допустить такой вариант.

Со времени окончания предшествующей конфронтации Запад – Восток влияние США внутри Евро-Атлантического сообщества существенно ослабло в пользу европейских партнеров (прежде всего, ведущих континентальных игроков – Германии, Франции). Стремление официального Вашингтона к изменению данной тенденции, меняя формы (мягкое лидерство при Б. Обаме, жесткая гегемония Д. Трампа, «мягкая гегемония» Дж. Байдена), в основе своей оставалось неизменным. Соответственно, Белый дом должен был или стимулировать партнеров самих инициировать использование эгиды НАТО на Тихом океане, или как минимум обеспечить безусловную поддержку ими таких предложений со стороны США. Поэтому две изначальные, теснейшим образом связанные между собой задачи для Белого дома, – это зондаж позиции партнеров в увязке с созданием рамочных (точнее, направляющих) условий в самом ИТР и вне его, которые должны обеспечить принятие европейскими государствами-партнерами по НАТО подхода официального Вашингтона.

До рубежа 2010-х – 2020-х гг. вопрос о «китайской угрозе» и тем более конкретизации форм противодействия ей как минимум официально не поднимался на саммитах НАТО. Почему? Во-первых, значимым был фактор объемных и разветвленных торгово-хозяйственных связей абсолютного большинства государств «западной демократии» в Европе с КНР. Так, на фоне сильной экономической взаимозависимости Германия еще в 2011 г. учредила формат межправительственных консультаций с Китаем [Цзык 2019, с. 215–216]. Данный механизм продолжал успешно функционировать как минимум до начала 2020-х гг., до того времени не получив аналога в диалоге официального Берлина с Токио. Среди прочего неготовность к частичному разрушению торгово-хозяйственных связей европейских государств-членов НАТО с КНР объяснялась фактором уже начавшегося глубокого проседания экономических отношений с РФ, в увязке со значимостью сохранения важного источника дохода, необходимого для роста военных трат без урезания социальных статей.

Во-вторых, значимы были ограничители сугубо военного характера. В середине 2010-х – начале 2020-х гг. скорость прироста численности личного состава крупнейших (свыше 100 тыс. чел. личного состава) национальных вооруженных сил (ВС) государств-членов НАТО была низкой (1–2 % в год), иногда – отрицательной¹². Исключение составляла лишь Польша¹³, чья «военная машина» была предельно сосредоточена на «сдерживании» России. Первоочередность последней задачи для европейских стран – участниц НАТО в увязке со сложностью наращивания своих вооруженных сил до предела снижала возможности их практического участия в еще одной конфронтации – с Китаем. Косвенное подтверждение тому – заметное сокращение численности военнослужащих европейских государств-членов НАТО, применяемых вне зоны ответственности Альянса в целом, в том числе непосредственно в составе его миссий. Так, если к 2014 г. за пределами Евро-Атлантического сообщества использовалось порядка 7 тыс. военнослужащих бундесвера, то в 2014–2015 гг. этот показатель упал вдвое (до 3,5 тыс.) [Glatz, Hansen, Kaim, Vorrath 2018, p. 8–11], а в начале 2020-х гг. – до 2 тыс. чел.¹⁴ Скачкообразный рост обязательств по линии НАТО внутри зоны ответственности в условиях ограниченности

¹² Рассчитано на основе: Defence expenditure of NATO countries (2014-2022). Communique PR/CP (2022) 105. Brussels: NATO, 2022. P. 12.

¹³ Ibidem.

¹⁴ Anzahl der an internationalen Einsätzen beteiligten deutschen Soldaten der Bundeswehr (Stand: 23. Januar 2022). <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/72703/umfrage/anzahl-der-soldaten-der-bundeswehr-im-ausland/> (дата обращения 31.05.2023).

полностью боеспособных частей и подразделений вынуждал государства-члены блок резко сокращать активность вовне оной.

Однако предпринятые по инициативе или самой активной поддержке США меры смогли обеспечить невозможное на первый взгляд «окно возможностей» в смысле направления ресурсов НАТО на Дальний Восток. На фоне медленного роста национальных ВС огромной, резко опережавшей данный показатель, была скорость увеличения войск в подчинении самого Альянса как института – непосредственно находившихся в данный момент в составе его группировок или как минимум зарезервированных под это применение. Так, на 2013 г. из войсковых механизмов в распоряжении блока (не считая заграничных миссий) находились лишь силы быстрого реагирования (СБР) штатной численностью в 13 тыс. военнослужащих¹⁵. С учетом 7-летнего цикла ротации это означало закрепление для использования под эгидой НАТО порядка 90 тыс. военнослужащих. В распоряжении блока как структуры имелись и другие военные компоненты (например, объединенные штабы, силы AWACS), однако они были существенно меньше по размеру, чем СБР. В целом можно утверждать, что к 2014 г. общий объем сил, имевшийся в распоряжении Альянса, едва ли значительно превышал 100 тыс. солдат и офицеров. Резкий рост СБР (штатная численность – уже 40 тыс. с 2015 г.)¹⁶, развертывание регулярно наращиваемых сил передового развертывания, учреждение резервов под эгидой Альянса своим закономерным следствием имели определение на саммите 2022 г. показателя в 800 тыс. военнослужащих как четко установленного нового объема войск, имевшегося в распоряжении НАТО¹⁷. Обладание такой мощью позволяло ему не только полномасштабно участвовать в «сдерживании» России, но и подключиться к выполнению данной функции по отношению к Китаю. Переход к решению второй задачи технически облегчался неравномерностью нагрузки на конкретные виды войск при выполнении первой. Так, наиболее полно в противодействии РФ в составе группировок НАТО в Европе были задействованы сухопутные войска. Несколько иной была ситуация с ВМС. Притом уже в силу географических особенностей ИТР логично, что именно на военно-морские силы должна была ложиться основная нагрузка в «сдерживании» КНР в кооперации с Японией.

Не менее важно изменение подхода США к миссиям НАТО вне зоны ответственности Альянса – прежде всего, в Афганистане. С 2000-х гг. Средний, в меньшей степени Ближний Восток являлся основным региональным направлением военно-стратегической активности Альянса за пределами Евро-Атлантического сообщества. Притом это положение оставалось неизменным после перехода Запада к конфронтации с РФ (с заранее запланированным сокращением выделяемых сил и средств в момент окончания деятельности ISAF и старта миссии Resolute Support в 2014/2015 г.)¹⁸. О важности этого трека свидетельствует и тот факт, что он был одним из немногих, где в первые два десятилетия XX в. а наблюдалась активная политическая кооперация НАТО с Японией. Однако выход администрации Д. Трампа на сделку с афганским «Талибаном» (запрещенная в РФ террористическая организация) 29 февраля 2020 г., итоговое решение уже аппарата Дж. Байдена в пользу ее имплементации от 14 апреля 2021 г. привели к экстренному (де-факто же к 1 июля 2021 г.) полному свертыванию многостороннего военного присутствия НАТО¹⁹. На практике эти шаги вызвали глубокое разочарование у европейских стран – участниц блока (прежде всего, Германии и Италии).

Притом какой-либо полноценной альтернативы утраченному афганскому треку деятельности Альянса как провайдера стабильности и безопасности в реалиях начала

¹⁵ NATO Response Force. 2022...

¹⁶ Ibid.

¹⁷ New NATO Force Model. 8.07.2022...

¹⁸ Resolute Support Mission in Afghanistan (2015-2021). 2022. https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_113694.htm (дата обращения 31.05.2023).

¹⁹ Ibid.

2020-х гг. не просматривалось. Одновременно едва ли можно считать, что США, как и европейские государства-члены НАТО, были готовы отказаться от глобализации деятельности блока как таковой – речь шла о смене ее основного вектора как функционально (переход от урегулирования вооруженных конфликтов к «сдерживанию» незападных оппонентов), так и географически. Отнюдь не случайно, что именно в первом полугодии 2021 г. – времени уже шедшего (с администрации Д. Трампа) и завершившегося аннулирования присутствия НАТО в Афганистане – США резко активизировали зондаж и получили от европейских партнеров формальное согласие на их будущее подключение к «сдерживанию» КНР. Притом со стороны Германии и Франции готовность к этому была впервые обозначена 5 февраля 2021 г.²⁰ – в момент, когда администрация Дж. Байдена взяла время на изучение «сделки» с талибами, что неправильно трактовалось официальным Берлином как сигнал к готовности сохранить совместное присутствие в Афганистане. По прошествии шока от его демонтажа США совместно с Великобританией приступили на саммите G7 11–13 июня 2021 г., накануне аналогичного мероприятия уже на уровне НАТО, к формированию коалиции государств и структур, готовых противодействовать усилению КНР. Помимо Австралии, Индии, ЮАР на указанное мероприятие G7 была приглашена и Япония [Dieter 2021, p. 1] – иными словами, был сделан важный шаг на пути ее фактического сближения с Североатлантическим альянсом. Тем самым Белый дом содействовал смещению фокуса стратегического внимания НАТО со Среднего Востока на Индо-Тихоокеанский регион, де-факто предлагая европейским партнерам рассматривать возможность подключения к «сдерживанию» Китая на Дальнем Востоке альтернативой военной активности, осуществляемой на протяжении двух десятилетий (2001–2021) в Афганистане.

Почему только администрация Дж. Байдена, а уже не одна из ее предшественниц поставила и стала решать в открытой плоскости вопрос об использовании эгиды НАТО на Дальнем Востоке, хотя конфронтация США с КНР стала отчетливой уже с середины 2010-х гг.? Белый дом при Б. Обаме понимал невозможность участия европейских государств-членов Альянса сразу в двух конфронтациях на самых ранних стадиях их развития. Не исключено также, что в тех реалиях «сдерживание» КНР Белый дом стремился осуществлять лишь своими и ближайших партнеров в ИТР силами, одновременно будучи заинтересован в предельной сфокусированности европейских государств-членов НАТО на противодействии РФ в различных измерениях. Показательно в связи с этим, что США при Б. Обаме не стали входить в состав «Нормандского формата», делегировав в нем представительство от Запада германо-французскому тандему.

При Д. Трампе ситуация оказалась намного более противоречивой. После вступления в должность 45-й президент США смягчил свое изначально весьма негативное отношение к НАТО как многосторонней структуре. Притом Д. Трамп стал стремиться к монетаризации (коммерциализации) обязательств США перед партнерами по блоку, пытаясь увеличить степень их ориентированности на Белый дом и одновременно оптимизировать использование собственных сил и средств непосредственно под эгидой Альянса. При инициировании и ведении торгово-хозяйственных (таможенных) конфликтов с Китаем, наращивании полупериметра его «сдерживания» в регионе США опирались на собственные силы и средства, а также возможности партнеров в Индо-Тихоокеанском регионе – прежде всего, Австралии и Японии. Поэтому декларативно и фактически США до окончания президентства Д. Трампа (2017–2021) не демонстрировали интереса к использованию эгиды НАТО на Дальнем Востоке, однако потенциально линия 45-го президента США в отношении европейских партнеров вела

²⁰ Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und Präsident Macron anlässlich des Deutsch-Französischen Verteidigungs- und Sicherheitsrates am 5. Februar 2021. 5.02.2021. <https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-praesident-macron-anlaesslich-des-deutsch-franzoesischen-verteidigungs-und-sicherheitsrates-am-5-februar-2021-1851512> (дата обращения 31.05.2023).

к росту их готовности поддержать такое решение, чем и воспользовалась уже администрация Дж. Байдена.

С одной стороны, в начале 2020-х гг. интерес европейских государств-членов НАТО к стратегическому закреплению в ИТР в целом и сближению с Японией в частности заметно возрос. С другой, – на практике эти игроки предпочитали действовать в национальном качестве. Показателен кейс развития диалога в сфере безопасности и обороны Японии и Германии, чей старт стратегического проникновения в ИТР пришелся на начало 2020-х гг. В 2020–2023 гг. для официального Берлина Токио из положения одного из основных партнеров²¹ в регионе превратился в ключевого²². ФРГ умело дополняла подъем диалога в общеполитической области его развитием в военной сфере. В апреле 2021 г. стороны запустили формат встречи по формуле «2+2», т.е. с участием министров иностранных дел и глав военных ведомств²³. Военно-дипломатическая миссия фрегата «Бавария» в ИТР (август 2021 г. – февраль 2022 г.) своими важнейшими элементами имела заход в порт Токио (в ознаменование к 160-летию установления отношений) и участие в учениях ANNUALEX с участием ВМС Японии и США²⁴. 28 апреля 2022 г., в день законодательного одобрения Бундестагом возможности поставок вооружений и военной техники (ВиВТ) официально Киеву, О. Шольц прибыл с визитом в Японию, согласовав с Ф. Кисида запуск формата межправительственных консультаций²⁵. В сентябре – октябре 2022 г. ВВС ФРГ отработали трансконтинентальную переброску группы самолетов на Японские о-ва (с базированием на аэродром Хякури)²⁶. Следует подчеркнуть, что все данные шаги осуществлялись Германией в национальном качестве, что показывало сдержанное отношение к использованию эгиды НАТО. Еще более иллюстративны визиты лидеров крупнейших европейских континентальных стран – участниц НАТО и ЕС в Китай – канцлера О. Шольца (4 ноября 2022 г.), президента Франции Э. Макрона (6 апреля 2023 г.). Эти шаги были нацелены на недопущение резкого спада отношений с КНР.

Особенности сближения НАТО с Японией в 2022–2023 гг.

Указанные тактики европейских континентальных держав – участниц НАТО вели к затягиванию на продолжительный срок (до нескольких лет и даже более) промежуточного этапа, предшествующего полноценному использованию возможностей блока на Дальнем Востоке.

В определенной мере этому содействовала позиция официального Токио в вопросе выбора форм оказания поддержки Киеву в условиях проведения РФ вынужденной специальной

²¹ Leitlinien zum Indo-Pazifik. Berlin: Bundesregierung, 2020. S. 6-20.

²² Rede von Bundeskanzler Scholz auf der Asien-Pazifik-Konferenz der Deutschen Wirtschaft am 14. November 2022 in Singapur. 14.11.2022. <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/rede-von-bundeskanzler-scholz-auf-der-asien-pazifik-konferenz-der-deutschen-wirtschaft-am-14-november-2022-in-singapur-2142644> (дата обращения 31.05.2023).

²³ Außen- und sicherheitspolitische Konsultationen zwischen Japan und Deutschland. 13.04.2021. <https://www.auswaertiges-amt.de/de/service/laender/japan-node/aussen-sicherheitspolitische-konsultationen-mit-japan/2453644> (дата обращения 31.05.2023).

²⁴ Marinemanöver: Die „Bayern“ bei ANNUALEX 2021. 9.12.2021. <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/aktuelles/manoever-fregatte-bayern-annualex-2021-5311952> (дата обращения 31.05.2023).

²⁵ Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz und Ministerpräsident Kishida zum Besuch von Bundeskanzler Scholz in Japan am 28. April 2022 in Tokio. 28.04.2022. <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-und-ministerpraesident-kishida-zum-besuch-von-bundeskanzler-scholz-in-japan-am-28-april-2022-2028824> (дата обращения 31.05.2023).

²⁶ Besuch in Japan krönt Rapid Pacific 2022. 28.09.2022. <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/luftwaffe/aktuelles/besuch-in-japan-kroent-rapid-pacific-2022-5507982> (дата обращения 31.05.2023).

военной операции. Будучи единственным дальневосточным игроком, принимавшим активное участие в консультациях «либеральных демократий» по Украине, не в пример остальным Япония как минимум до лета 2023 г. ограничивалась в основном дипломатической и финансовой помощью²⁷, направлением гражданских грузов. Иными словами, речь не шла о поставках вооружения и военной техники, а также инициативном участии японских войск (по аналогии с Финляндией и Швецией до момента подачи ими заявок на вступление в НАТО) в комплектовании различных, особенно военно-морских, группировок Альянса внутри зоны ответственности и прилегающих акваториях. Это более сдержанная, чем у акторов Евро-Атлантического сообщества позиция, де-факто облегчала отстаивание заинтересованными европейскими государствами-членами Альянса зеркального подхода к «сдерживанию» КНР – точечного объема участия в данном процессе.

Стимулирование партнеров к пересмотру этого положения осуществлялось США с помощью двух тактик. Одна из них – расширение, совершенствование системы форматов с участием Белого дома, в т.ч. де-юре неформальных, в сфере безопасности и обороны в ИТР. Этот процесс стартовал еще при Д. Трампе, будучи развит и продолжен при Дж. Байдене. В самом конце 2010-х гг. было активизировано использование QUAD (Австралия, Индия, США, Япония), запущенного по инициативе премьер-министра Японии С. Абэ при поддержке администрации Дж. Буша-старшего еще в 2007 г. Вместе с тем, дружественная линия официального Нью-Дели по отношению к РФ, его участие в БРИКС на практике снизила потенциальные возможности по использованию QUAD как механизма «сдерживания» КНР [Худайкулова, Рамич 2020, с. 26–36]. Таковыми де-факто явились вновь созданные форматы с исключительным членством США, англо-саксонских стран в целом, а также официального Токио как их ближайшего партнера: AUKUS (Австралия, Великобритания, США) с учреждением 15 сентября 2021 г. и Partners in the Blue Pacific (Blue Pacific Alliance) (указанный триумвират игроков, Новая Зеландия и Япония) 24 июня 2022 г.²⁸ Де-факто данные структуры выполняли двойную функцию: не просто противодействие усилению КНР, но стимулирование к участию в этом европейских государств-членов НАТО, заинтересованных в стратегическом проникновении в ИТР. Показательна хронологическая взаимосвязь создания данных форматов с фиксированием на доктринальном уровне роста стратегического внимания Альянса к Дальнему Востоку. Так, учреждение AUKUS произошло после Брюссельского саммита НАТО 14 июня 2021 г. (и предшествующей встречи G7) [Dieter 2021, р. 1–3], на котором усиление влияния КНР впервые было обозначено в качестве угрозы²⁹. А создание Partners in the Blue Pacific произошло буквально накануне нового форума G7 и Мадридского саммита Альянса 28–30 июня 2022 г., на котором «китайский вызов» был включен в новую стратегическую концепцию блока³⁰. А уже в сентябре 2022 г. на фоне роста военной активности ФРГ и Канады на Дальнем Востоке страны – участницы Blue Pacific Alliance пригласили крупнейшее европейское государство – член НАТО и пятую (последнюю) из англо-саксонских стран к укреплению сотрудничества с форматом³¹, тем самым задавая рамочное условие для активизации использования блока

²⁷ См., например: Япония предоставит помощь Украине. 20.02.2023. <https://ria.ru/20230220/pomosch-1853177085.html> (дата обращения 31.05.2023).

²⁸ Statement by Australia, Japan, New Zealand, the United Kingdom, and the United States on the Establishment of the Partners in the Blue Pacific (PBP). 24.06.2022. <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/06/24/statement-by-australia-japan-new-zealand-the-united-kingdom-and-the-united-states-on-the-establishment-of-the-partners-in-the-blue-pacific-pbp/> (дата обращения 31.05.2023).

²⁹ Brussels Summit Communiqué. 14.06.2021. https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_185000.htm (дата обращения 31.05.2023).

³⁰ NATO 2022 strategic concept... P. 3-5.

³¹ Joint Statement on Partners in the Blue Pacific Foreign Ministers Meeting. 22.09.2022. <https://www.state.gov/joint-statement-on-partners-in-the-blue-pacific-foreign-ministers-meeting/> (дата обращения 31.05.2023).

в ИТР. Эта линия не могла не оказывать влияние на содержание диалога Японии с европейскими «либеральными демократиями» – прежде всего, Германией³².

Другая тактика – сближение с официальным Токио по линии центрального аппарата Североатлантического альянса. Генеральный секретарь НАТО Й. Столтенберг инициировал прецедентное приглашение премьер-министра Японии (а также правительственных делегаций Австралии, Новой Зеландии и Южной Кореи) на саммит Альянса, который проходил в Мадриде в 2022 г.³³ Тем самым в присутствии премьер-министра Ф. Кисида на высшем доктринальном уровне – в стратегической концепции, принимаемой обычно на 10–15 лет – Китай был обозначен источником угроз³⁴; притом сама Япония не была упомянута в документе³⁵. Это отнюдь не означало отсутствия стратегического интереса со стороны блока к ней, но позволяло гибко подходить к сотрудничеству, определяя приемлемые для всех сторон скорость и формы данного процесса.

Показательна интенсификация диалога в первом полугодии 2023 г. 31 января – 1 февраля в Японию прибыл с визитом Й. Столтенберг, посетив столицу и авиабазу Ирума, через которую направлялась техническая помощь ВСУ³⁶. В начале апреля 2023 г. в штаб-квартиру НАТО вновь были приглашены правительственные делегации Австралии, Новой Зеландии, Южной Кореи и Японии – переговоры с участием всех четырех состоялись 5 апреля³⁷. Им предшествовала встреча главы японского МИД Ё. Хаяси с генеральным секретарем Й. Столтенбергом 4 апреля 2023 г.³⁸ – в день официального расширения Альянса на Финляндию. Тем самым была подчеркнута взаимосвязь стремления НАТО к сильному укреплению позиций в Северной Европе, т.е. вблизи Арктики, и на Дальнем Востоке, к середине 2020-х гг. превращавшихся в основные направления деятельности блока вне зоны ответственности. Символично и иное: 4 апреля 2023 г. Й. Столтенберг провел встречи не только с главой внешнеполитического ведомства Японии, но и США Э. Блинкеном³⁹, что позволило четко выявить ключевого лоббиста роста стратегической активности Альянса на Дальнем Востоке. В ходе переговоров Й. Столтенберг неоднократно подчеркивал, что «у НАТО нет более близкого и дееспособного партнера, чем Япония»⁴⁰. В своих выступлениях Й. Столтенберг последовательно проводил мысль о необходимости объединения в целом ряде вопросов «сдерживания» РФ и КНР, наиболее дружественных им игроков⁴¹.

НАТО как организация рассчитывала на большую помощь Японии в противодействии России, особенно в смысле усиления поддержки официальному Киеву. Показательно, что между

³² Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz und Ministerpräsident Kishida zum Besuch von Bundeskanzler Scholz in Japan am 28. April 2022 in Tokio. 28.04.2022...

³³ Speech by NATO Secretary General Jens Stoltenberg at Keio University. 1.02.2023. https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_211398.htm?selectedLocale=en (дата обращения 31.05.2023).

³⁴ NATO 2022 strategic concept... P. 3-5.

³⁵ Ibidem.

³⁶ Speech by NATO Secretary General Jens Stoltenberg at Keio University. 1.02.2023...

³⁷ Statement of the NATO Secretary General with representatives of Australia, New Zealand, Japan and South Korea. 5.04.2023. https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_213474.htm?selectedLocale=en (дата обращения 31.05.2023).

³⁸ Joint statement by NATO Secretary General Jens Stoltenberg with the Minister of Foreign Affairs of Japan, Yoshimasa Hayashi. 4.04.2023. https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_213469.htm?selectedLocale=en (дата обращения 31.05.2023).

³⁹ Joint statement by NATO Secretary General Jens Stoltenberg with the U.S. Secretary of State, Antony Blinken. 4.04.2023. https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_213418.htm?selectedLocale=en (дата обращения 31.05.2023).

⁴⁰ Secretary General in Tokyo: No NATO partner is closer or more capable than Japan. 31.01.2023. https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_211272.htm?selectedLocale=en (дата обращения 31.05.2023).

⁴¹ Statement of the NATO Secretary General with representatives of Australia, New Zealand, Japan and South Korea. 5.04.2023...

двумя фазами интенсификации сотрудничества официальных Брюсселя и Токио (февраль и апрель 2023 г.) состоялась заранее не обозначенная поездка премьер-министра Ф. Кисиды на Украину 21 марта 2023 г.⁴² – как хронологически совпадающая антитеза официальному визиту председателя КНР Си Цзиньпина в РФ.

В свою очередь, уже в кратко- и особенно среднесрочной перспективе Альянс был готов оказывать растущую стратегическую поддержку Японии в ее «домашнем» регионе – на Дальнем Востоке. Официальным Брюсселем стал ставиться вопрос об открытии своего представительства на территории партнера⁴³ – тем более, что сам официальный Токио имел таковое при штаб-квартире Североатлантического альянса. Вместе с тем, данный план вызвал критику со стороны Франции⁴⁴, вновь показывая еще не раздвинутые пределы готовности ведущих европейских континентальных стран – участниц НАТО к использованию эгиды Альянса в ИТР.

В военном отношении сотрудничество официальных Брюсселя и Токио было на начало 2020-х гг. ограниченным по объему и качеству. Так, Япония в качестве наблюдателя (направление штабного офицера) приняла участие в носивших провокационный характер учениях НАТО Sea Breeze 21 (28 июня – 10 июля 2021 г.), которые проводились в Черном море и прилегающей части Украины⁴⁵. В июне 2022 г. японские корабли провели совместные маневры с 2-й постоянной военно-морской группой (ПМГ) НАТО в Средиземном море⁴⁶. Тем самым стали возникать прецеденты военного сотрудничества сторон, готовые перерасти в тенденцию. Намного более тесной была кооперация сторон в киберсфере: японские представители участвовали в работе центра повышения соответствующих компетенций НАТО в Таллине (Эстония) и ежегодно проводимых на его основе профильных учений Cyber Coalition⁴⁷.

К середине 2023 г. наметилось стремление центрального аппарата Североатлантического альянса обеспечить «эффект переплескивания»: распространить подъем отношений с Японией в политической сфере на военную. Еще в 1950-е гг. по этому пути в диалоге с официальным Токио весьма успешно пошли США, в начале 2020-х гг. (хотя и в совершенно иных объемах) – ФРГ. Важным шагом на этом пути стал визит делегации управления по военному сотрудничеству НАТО в Токио 24–26 апреля 2023 г.⁴⁸

Содержание переговоров позволяло вскрыть основные перспективные направления стратегической кооперации сторон:

– возможность соучастия Японии в миссиях НАТО по миротворчеству и поддержанию мира. Сам официальный Токио проявлял к этому растущий интерес [Добринская 2020], подкрепляя его развитием профильной (специализированной) компоненты вооруженных сил. Вместе с тем, здесь трудность заключалась в самом блоке, а, точнее, заметном снижении его участия в урегулировании вооруженных конфликтов в Азии на начало 2020-х гг.;

⁴² Премьер Кисида расскажет парламенту о своем визите на Украину. 22.03.2023. <https://ria.ru/20230322/kisida-1859725347.html> (дата обращения 31.05.2023).

⁴³ Токио обсуждает с НАТО открытие представительства альянса в Японии. 9.05.2023. <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17708165> (дата обращения 31.05.2023).

⁴⁴ Позиция Франции осложняет открытие первого представительства НАТО в Японии – СМИ. 06.06.2023. <https://www.ng.ru/news/768186.html> (дата обращения 31.05.2023).

⁴⁵ Япония решила поучаствовать в Sea Breeze-2021, в качестве наблюдателя. 2.07.2021. <https://rossaprimavera.ru/news/66d85864> (дата обращения 31.05.2023).

⁴⁶ NATO ships train with Japan Maritime Self-Defense Force in Mediterranean Sea. 9.06.2022. <https://mc.nato.int/media-centre/news/2022/nato-ships-train-with-japan-maritime-selfdefense-force-in-mediterranean-sea> (дата обращения 31.05.2023).

⁴⁷ NATO military delegation heads to Japan for staff talks. 3.05.2022. https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_214295.htm?selectedLocale=en (дата обращения 31.05.2023).

⁴⁸ Ibid.

– гармонизация действий в области военного планирования. Речь, во-первых, шла об обозначенной Японией при Ф. Кисида самоцели по выходу уровня ежегодных военных расходов на отметку в 2 % от ВВП к 2027 г. [Sakaki 2023, p. 1] – задаче, должной быть выполненной государствами – членами НАТО на отрезке 2014–2023 гг. Иными словами, официальный Токио стал активнее использовать проектные установки Альянса по развитию профильной мощи в своем планировании и деятельности. Во-вторых, речь шла об обмене опытом в области строительства вооруженных сил. В целом блок обладал намного большим опытом в деле развертывания и функционирования различных многосторонних группировок (с ротацией конкретных контингентов, но четко определенным составом комплектующих стран-участниц), но с отдельными значимыми исключениями. Так, в подчинении НАТО не имелось оперативных групп, составленных в основном из фрегатов, – класса корабля, ответственного за обеспечение присутствия в Мировом океане в XXI в. (соответствующие войсковые механизмы Альянса состояли преимущественно из корветов и минных тральщиков). В свою очередь, Япония нарабатывала здесь существенные практики, притом применительно к Тихому океану. Помимо обмена информацией, передача опыта должна была быть осуществлена в ходе учений – прежде всего, военно-морских, воздушных и с использованием подразделений сил специальных операций.

Наиболее возможной формой стартового использования войск под эгидой НАТО на Дальнем Востоке в кооперации с Японией станет подключение Альянса к проведению крупных учений вблизи нее – вероятнее всего, это будут ANNUALEX. Они проводятся ежегодно с 1996 г. совместно 7-м оперативным флотом США и ВМС Японии, обычно в Филиппинском море. В 2021 г. был создан прецедент участия в ANNUALEX кораблей двух стран-участниц (помимо самих США) – Германии и Канады, но в национальном качестве. В дальнейшем именно этот факт стал важнейшей причиной приглашения именно двух данных государств к углублению сотрудничества с Partners in the Blue Pacific осенью 2022 г.⁴⁹

В дальнейшем возможно развертывание оперативных военно-морских групп НАТО (по образцу ПМГ), т.е., прежде всего, с участием ведущих европейских государств-членов блока, в координации с ВМС Японии и кораблями 7-го оперативного флота США, действующими в национальном качестве. Наиболее вероятное направление появления таких групп НАТО – Филиппинское море; в более отдаленной, в случае институционализации конфронтации с КНР и РФ – в Восточно-Китайском и Японском морях. Не исключено также развертывание патрульной миссии ВВС (по аналогии с Миссией по воздушному патрулированию стран Балтии) с базированием на аэродромы Японии (прежде всего, Хякури (Ибараки)). В свою очередь, уже отрабатываемыми на практике «зеркальными» мерами со стороны Японии может стать подключение кораблей ее ВМС к оперированию постоянных морских и контрминных групп НАТО (прежде всего, 2-й ПМГ) к югу от зоны ответственности – в первую очередь в Средиземном море.

Заключение

Налаживание сотрудничества НАТО как организации с Японией представляет собой пример переформатирования отношений внутри «коллективного» Запада, будучи нацелено на повышение контролируемости им формирования нового миропорядка. Стремление связать воедино (функционально и географически) выстраивание двух конфронтаций – с РФ и КНР – потребовало слома стереотипов, демонстрации взаимозависимости и обеспечения взаимосвязанности между европейскими «либеральными демократиями» и официальным

⁴⁹ Joint Statement on Partners in the Blue Pacific Foreign Ministers Meeting. 22.09.2022...

Токио. Направляющая роль в этом процессе принадлежала США, в определенной мере – тесно связанным с ними генеральным секретариатом НАТО.

По сути, исследуемый процесс проходил два подготовительных этапа. Первый из них – это пробуждение и фиксирование интереса у широкого круга стран – участниц Альянса к «сдерживанию» КНР в ИТР в целом, непосредственно военному сотрудничеству с Японией. Стартовав во второй половине 2010-х гг. во многом в латентных формах, этот этап завершился в самом начале 2020-х гг. Одновременно за НАТО был закреплен такой объем сил и средств, который позволял ей потенциально приступить к решению данных задач в будущем. Второй этап – это подготовка непосредственного активирования эгиды НАТО для использования в ИТР в кооперации с Японией как наиболее ценным партнером для Альянса. В собственно военном отношении эта фаза еще далека от завершения, в политическом – приблизилась к окончанию.

То, насколько динамично и в каких формах (сам факт прецедентного участия НАТО в учениях в регионе, развертывания здесь первой миссии, географии ее оперирования, состава) будет развиваться политическое и военное сотрудничество Альянса с Японией, явится индикатором успешности укрепления ведущих позиций США в сообществе «либеральных демократий» и тем его переформатирования в целом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Анищенко А.Э.* Основные этапы формирования сил самообороны Японии и новые тенденции их модификации // *Хроноэкономика*. 2020. № 4. С. 38–43.
- Арзаманова Т.В.* Отдельные аспекты стратегического планирования Германии в Индо-Тихоокеанском регионе в условиях возвращения соперничества великих держав // *Актуальные проблемы Европы*. 2022. № 4. С. 258–284. DOI: <https://doi.org/10.31249/ape/2022.04.11>
- Добринская О.А.* Вопросы миротворчества во внешней политике Японии // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2020. № 4. С. 721–737. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2020-20-4-721-737>
- Истомин И.А.* Управление обязательствами в асимметричных альянсах // *Международные процессы*. 2021. № 1. С. 26–55. <https://doi.org/10.17994/IT.2021.19.1.64.1>
- Киреева А.А.* Новая историческая веха в китайско-японских отношениях: насколько глубоко потепление и что за ним стоит? // *Японские исследования*. 2020. № 1. С. 21–47. <https://doi.org/10.24411/2500-2872-2020-10002>
- Стрельцов Д.В.* Российско-японские отношения после Абэ: новый стресс-тест? // *Японские исследования*. 2022. № 2. С. 120–133. <https://doi.org/10.55105/2500-2872-2022-2-120-133>
- Худайкулова А.В., Рамич М.С.* “КВАД 2.0”: четырехсторонний диалог для контрбалансирования КНР в Индо-Тихоокеанском регионе // *Полис. Политические исследования*. 2020. № 3. С. 23–43. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.03>
- Цвык А.В.* Стратегическое партнерство Германии и Китая на современном этапе: актуальные проблемы и новые возможности // *Актуальные проблемы Европы*. 2019. № 4. С. 210–228. <https://doi.org/10.31249/ape/2019.04.12>

REFERENCES

- Anischenko, A.E. (2020). Osnovnye etapy formirovaniya sil samooborony Yaponii i novye tendentsii ikh modifikatsii [Basic Stages of the Japan Self-Defense Forces' Formation and New Tendencies of Their Modification]. *Khronoekonomika* [Chronoeconomics], 4, 38–43. (In Russian).

- Arzamanova, T.V. (2022). Otdel'nye aspekty strategicheskogo planirovaniya Germanii v Indo-Tikhookeanskom regione v usloviyakh vozvrashcheniya sopernichestva velikikh derzhav [Some Aspects of German Strategic Planning in the Indo-Pacific Region Facing the Return of Great Power Rivalry]. *Aktual'nye problemy Evropy* [Current problems of Europe], 4, 258–284. (In Russian). DOI: <https://doi.org/10.31249/ape/2022.04.11>
- Dobrinskaya, O.A. (2020). Voprosy mirotvorchestva vo vneshnei politike Yaponii [Peacekeeping in the Foreign Policy of Japan]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of the RUDN University. Series: International Relations], 4, 721–737. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2020-20-4-721-737>
- Istomin, I.A. (2021). Upravlenie obyazatel'stvami v asimmetrichnykh al'yansakh [Management of Security Commitments in Asymmetric Alliances]. *Mezhdunarodnye protsessy* [International Trends], 1, 26–55. (In Russian). <https://doi.org/10.17994/IT.2021.19.1.64.1>
- Khudaykulova, A.V., Ramich, M.S. (2020). “KVAD 2.0”: chetyrekhstoronnii dialog dlya kontrbalansirovaniya KNR v Indo-Tikhookeanskom regione [“QUAD 2.0”: Quadrilateral Dialogue for Counterbalancing China in the Indo-Pacific]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 3, 23–43. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.03>
- Kireeva, A.A. (2020). Novaya istoricheskaya vekha v kitaisko-yaponskikh otnosheniyakh: naskol'ko gluboko poteplenie i chto za nim stoit? [A New Historic Era in China-Japan Relations: How Deep is the Rapprochement and What Are the Reasons?]. *Yaponskie issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 1, 21–47. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/2500-2872-2020-10002>
- Streltsov, D.V. (2022). Rossiisko-yaponskie otnosheniya posle Abe: novyi stress-test? [Russian-Japanese Relations After Abe: A New Stress Test?]. *Yaponskie issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2, 120–133. (In Russian). <https://doi.org/10.55105/2500-2872-2022-2-120-133>
- Tsvyk, A.V. (2019). Strategicheskoe partnerstvo Germanii i Kitaya na sovremennom etape: aktual'nye problemy i novye vozmozhnosti [Strategic Partnership of Germany and China Today: Current Problems and New Opportunities]. *Aktual'nye problemy Evropy* [Current Problems of Europe], 4, 210–228. (In Russian). <https://doi.org/10.31249/ape/2019.04.12>

* * *

- Dieter, H. (2021). First Summit of the Anti-China Coalition. *SWP Comment*, 36. DOI: 10.18449/2021C36
- Glatz, R., Hansen, W., Kaim, M., Vorrath, J. (2018). *Die Auslandseinsätze der Bundeswehr in Wandel*. Berlin: German Institute for International and Security Affairs SWP. (In German).
- Heiduk, F. (2021). *Security in the Indo-Pacific*. Berlin: German Institute for International and Security Affairs SWP.
- Johnston, S.A. (2017). *Strategy and Organization in the Atlantic Alliance Since 1950*. Baltimore: The Johns Hopkins University.
- Sakaki, A. (2023). Japans sicherheitspolitische Neuausrichtung. *SWP-Aktuell*, 23. (In German).
- Sloan, S. (2020). *Defense of the West: Transatlantic Security from Truman to Trump*. Manchester: Manchester University Press.

Поступила в редакцию: 07.06.2023
Принята к публикации: 11.07.2023

Received: 07 June 2023
Accepted: 11 July 2023